

СТАРАЯ ГВАРДИЯ

Владимир БУШИН

ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ КЛАССИКИ

Американцы на нашей земле наплодили кучу карликов: Горбачев и Ельцин, Яковлев и Шеварднадзе, Козырев и Швыдкой...

Кто они, как не сексоты?

Чего стоит один звонок из Беловежской Пуши карлика Ельцина американскому президенту:

«Ваше превосходительство, задание выполнено: Советский Союз задушен!»

Чего стоит одна телепередача гнома Швыдкого

«Русский фашизм хуже немецкого».

Сукин сын Карл Английский по сравнению с этой бандой предателей младенец.

Владимир Бушин

Живые и мертвые классики

«Алисторус»

2007

УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2Рос)

Бушин В. С.

Живые и мертвые классики / В. С. Бушин — «Алисторус», 2007

В своей новой книге Владимир Сергеевич Бушин прошелся своим острым пером по творчеству классиков советской и постсоветской литературе. Звание «мэтров» не уберегло Вадима Кожинова и Григория Бакланова, Александра Солженицина и Булата Окуджаву, Александра Проханова и Эльдара Рязанова от критики «в стиле Бушина», беспощадной и остроумной, от которой, по выражению Сергея Михалкова, никакие «адвокаты не спасут».

УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2Рос)

© Бушин В. С., 2007
© Алисторус, 2007

Содержание

Урок вадима кожинова	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Владимир Бушин

Живые и мертвые классики

Урок вадима кожинова

Скорбная весть о смерти Вадима Кожинава настигла меня в тот именно день и час, когда я, листая его книги и последние газетные публикации, готовился писать о нем статью... Мы познакомились в самом конце пятидесятых. Потом, в 1966 году, встречались в кельях Высокопетровского монастыря на заседаниях Общества по охране памятников истории и культуры, куда однажды зимним вечером привел меня Петр Палиевский. Помню, знакомя меня с Вадимом, его жена Лена Ермилова, которую я знал с 1953 года по Дому творчества в Дубултах, язвительно и весело сказала ему: «Это тот самый Бушин, без которого не обходится ни один номер «Литературы и жизнь». Почти так и было. Тогдашние демократы выперли меня из «Литературки», где после ухода моего шефа Михаила Алексева я оказался белой вороной и где печататься мне с моими убеждениями было крайне затруднительно. Я работал теперь в этой недавно созданной газете. Авторский актив у нее еще не сложился, с материалами было нелегко, а у меня скопилось множество моих статей, которые я лично подозревал в некоторой гениальности. Куда их девать? Не выбрасывать же! И вот, будучи ответственным секретарем газеты, я и забивал ими ее страницы. Ничего, демонстраций протеста не было, окна редакции не били, и милейший Виктор Васильевич Полторацкий, главный редактор, терпел меня... Ах, как давно все это имело быть... Жизнь тому назад... «Это было при нас, это с нами вошло в поговорку»...

И с тех почти мифических пор наши добрые отношения с Вадимом ничем не омрачались. Мы при встречах и по телефону нередко делились впечатлением о прочитанном, спорили о самых разных разностях, дарили друг другу книги, я, как и другие собратья, порой обращался к нему за справками по вопросам истории и литературы. Кажется, совсем недавно мне понадобилось одно ахматовское стихотворение 1940 года, а оно не оказалось под рукой, и я позвонил ему:

– Вадим, как там дальше?

Когда погребают эпоху,
Прощальный псалом не звучит...

Он перезвонил через десять минут и прочитал:

Когда погребают эпоху.
Надгробный псалом не звучит.
Крапиве, чертополоху
Украсить ее предстоит...
И только могильщики лихо
Работают. Дело не ждет!
И тихо, так, Господи, тихо,
Что слышно, как время идет...

– Читать до конца?

И он дочитал:

...И клонятся головы ниже,
Как маятник ходит луна.
Так вот – над погибшем Парижем
Такая теперь тишина.

...Кожинов будил мысль и порой я дополнял, развивал его идею. Так, в одной из недавних статей я перечислил многие важные деяния, предпринятые нашей страной впервые в мире. Подобный патриотический перечень встретил у него сперва в беседе с В.Кожемяко «Загадка космополитов», потом – во второй книге «Загадочных страниц истории XX века»: «27 июня 1954 года – пуск первой в мире АЭС; 4 октября 1957-го – запуск первого в мире искусственного спутника Земли; 14 октября 1959-го – первое прилунение межпланетной станции; 1 января 1961-го – первый человек в космосе» и т. д. Я лишь поправил некоторые даты (известно, например, что Юрий Гагарин взлетел в космос не 1 января, а 12 апреля 1961-го), расширил этот перечень в обе стороны времени и несколько разнообразил его: «В 1947 году мы первыми из воевавших стран Европы отменили карточки; первыми в мире забросили свой серпастый и молоткастый герб на Луну; первыми в мире огласили Вселенную звуками нашего гимна; первыми, на двадцать лет раньше американцев, создали орбитальную космическую станцию; первыми, на десять лет раньше англичан, клонировали животное; первыми в мире, как недавно поведал Герой Советского Союза генерал-майор в отставке Сергей Макарович Крамаренко, во время интервенции США в Корею сбили 1309 американских самолетов («Досье» № 8, 2000, с.5)...»

А однажды, тоже недавно, прочитав мою статью в «Завтра», Вадим позвонил и поздравил с «открытием», которое будто бы я сделал в ней, хотя думаю, что всего лишь напомнил нашим суперпатриотам известное, но забытое: Ленин, которого они изображают евреем и антипатриотом, выдвигая лозунг поражения своего правительства в Первой империалистической войне, имел в виду достигнутое перед войной на Бернской конференции «соглашение социал-демократов разных воюющих стран о совместных революционных действиях против всех воюющих правительств», «содействие друг другу революционных движений во всех воюющих странах». В связи с чем он писал о выступавшем против этого Троцком, с которым суперпатриоты здесь смыкаются, как с лучшим другом и учителем: «Вот – образец надутых фраз... Троцкий запутался в трех соснах. Ему кажется, что желать поражения России значит желать победы Германии... Чтобы помочь людям, не умеющим думать, Бернская резолюция (№ 40 «Социал-демократа») пояснила: во всех империалистических странах пролетариат должен теперь желать поражения своему правительству». Если бы этого удалось достичь, войны могло вообще не быть или ее задушили бы в самом начале.

Какое же тут открытие? Я просто напомнил, что Ленин перед суперпатриотами, если сказать словами толстовского князя Курагина, «невиновен, как Христос перед жидами». Но правда и то, что ныне народ так неумоимо одурачивают, стремясь духовно разложить, что иной раз простое напоминание истины действительно оказывается открытием. Пожалуй, особенно ясно я понял это, когда в апреле прошлого года один старый друг ошарашил меня: «А знаешь ли ты, что в 1905 году Ленин послал японскому императору поздравительную телеграмму в связи с победой в войне против России?» За эти годы мы наслышались много всякого вздора о Ленине, Сталине и других советских руководителях, но такое я услышал впервые. И от кого! Не от юного пепсикольца... Он это не только принял в смятенную душу без всякого протеста, но и несет дальше. Другое дело, когда этим занимается, допустим, агитпроповец демократии Радзинский. Например, уверяет, что в октябре 1939 года Сталин встречался во Львове с Гитлером. И ведь никаких доказательств, одни домыслы, но тут примечательно не вранье само по себе. Радзинский прекрасно знает, что английский премьер Чемберлен, его министр иностранных дел лорд Галифакс, французский премьер Даладьё и другие первые лица

западных держав много раз встречались с Гитлером. Да не как-нибудь, а являлись к нему с поклоном, с заискивающими улыбочками и при этом поочередно предавали: Австрию, Чехословакию, Польшу... Тот имел полное основание презрительно сказать о них: «Я знаю этих господ с зонтиками...» Но Радзинский благоговееет перед галантными премьерами и благородными лордами с эластичными хребтами, у него к ним никаких претензий. В ту пору не было бы ничего странного, необыкновенного, тем паче – позорного, если и Сталин в 40-м году, как лидер страны, встретился бы с Гитлером. Но даже предположение об этом приводит Радзинского в неистовство. А ведь ясно же, если бы встреча действительно была, то скрыть ее никак не удалось бы, и за долгие десятилетия уж непременно какие-то свидетельства о ней как-то вылезли бы на свет божий, и ее без конца использовали бы в своих политических целях и такие мелкотравчатые антисоветчики, как Эдик, и покрупней. А тут вдруг, спустя шестьдесят лет, на тебе – открытие! Так же и с телеграммой Владимира Ильича в адрес микадо.

Я тогда сказал другу:

– Есть вещи, понять истинность коих можно без обращения к архивам, мемуарам, слухам, а посредством просто спокойного размышления. Если бы действительно имело место нечто хотя бы отдаленно похожее на ту телеграммку, то сей факт без конца и уже много-много лет мусолили бы враги Ленина, как мусолят они «пломбированный вагон», – ведь их, врагов-то, у него не счесть, как и у Сталина! С чего бы им молчать и ждать почти сто лет?

А недавно, взяв и этот факт у Кожина, я в одной статье писал, что Г. Зиновьев в свое время заявил: «Мы должны увлечь за собой 90 миллионов из ста, населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя разговаривать – их надо уничтожить». Некоторые авторы, в том числе Владимир Солоухин, приписывают это Ленину. И опять кое-кто из друзей завел музыку... Поразительна легкость, если не жадность, с которой даже старые уже люди на лету хватают и заглазывают антисоветский вздор. Словно начисто отшибло умение размышлять, сопоставлять факты, анализировать, не говоря уж о чувстве брезгливости и простой опрятности: ведь это клевета то, к чему они сами еще вчера относились с уважением!

Кожин сокрушил и развеял множество мнимоисторических мифов, скудоумных легенд и просто побрехушек, что вот уже столько лет обрушивают на голову народа невежественные и бесстыдные служители режима. Пожалуй, больше всего, разглагольствуя о действительных трагедиях и жестокостях Гражданской войны, они, во-первых, говорят при этом только о защитниках советской власти, о «красных»; во-вторых, уверяют, что все это возможно было только в этой дикой России. Кожин, обратившись к событиям Великой французской революции, с цифрами и фактами в руках показал, что тогда в этой распрекрасной цивилизованной стране жестокостей и жертв было уж никак не меньше, если не больше. А вот, например, одна из самых стойких побрехушек о том, что в 1917 году большевики разложили армию. Кожин опровергает ее словами не кого-нибудь, а генерала Деникина: «Когда говорят на каждом шагу (И ведь до сих пор! – В.Б.), что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно. Армию развалили другие. Развалило армию военное законодательство последних месяцев». Это было сказано в присутствии Керенского, власть которого и ответственна за это законодательство... Владимир Солоухин в книге «При свете дня», изданной на деньги американской фирмы «Velka Trading Corporation», гневно обличал большевиков за жуткую расправу над министрами Временного правительства: «Не мешкая ни часу, ни дня, посадили их в баржу, а баржу потопили в Неве». Были такие факты, но не с членами правительства, а со священниками и не в России, а в распрекрасной Франции в дни ее Великой революции. А члены Временного правительства, как документально показал Кожин, называя конкретные имена, сперва были арестованы, но скоро отпущены на все четыре стороны. Из всех пятнадцати министров восемь остались в России, и работали на довольно высоких постах вплоть до начальника снабжения Красной Армии, а семь эмигрировали. «Большинство из них прожило долгую и богатую жизнь»... Один высокий церковный иерарх, а за ним и многие суперпатри-

оты твердили, что почти все пятнадцать членов первого Советского правительства были евреи, а, следовательно и вся Октябрьская революция была затеей еврейской. Кожинов развеял и этот вздор, показав, что еврей там был только один – Троцкий, хотя, конечно, не отрицал самое энергичное и обильное их участие во властных структурах, в том числе, в ЧК-ОГПУ-НКВД... Однажды старый писатель Иосиф Прут, беседуя по телевидению с известным пустозвоном Киселевым, сказал, что во время Гражданской войны служил в Красной Армии. «Как это вас угораздило!» – недоуменно и презрительно воскликнул всероссийский пустозвон, будучи уверен, что в Красной Армии никого, кроме Сталина и Буденного, не было. Так вот, по гулким головам таких болванов Кожинов бил дубиной цифр: «43 процента царских офицеров (включая генералов) предпочли служить в Красной Армии, притом, что особенно значительно, каждый пятый из них сначала находился в Белой армии, а затем перешел в Красную! И еще более существен тот факт, что из военной элиты – офицеров Генерального штаба, которые были наиболее культурными и мыслящими, – в Красной Армии служили 46 процентов, т. е. больше, чем остальных офицеров...» Если коснуться Великой Отечественной, то вспоминается, как бесновалась в сляпанном ею лживом и бездарном телефильме о ней Светлана Сорокина, достойная боевая подруга клеветника Киселева, по поводу того, что наше правительство не подписало известную Женевскую конвенцию 1929 года, и вот из-за этого немецкие фашисты плохо обращались с нашими пленными и плохо кормили их. Кожинов на многочисленных фактах показал, что «наивно уже само предположение, что Германия готова была соблюдать по отношению к нам какие-либо принципы». Речь шла не о плохом обращении и питании – «пленные просто уничтожались врагом». И приводит приказ от 11 мая 1943 года по 2-й танковой армии, которой командовал известный Гудериан: «При занятии населенных пунктов нужно немедленно захватить мужчин в возрасте от 15 до 65 лет и объявить им, что они впредь будут считаться военнопленными, а при попытке к бегству будут расстреливаться». Это о мирных жителях. Действительных и мнимых военнопленных немцы уничтожили около 4 миллионов...

Этот победный перечень кожиновских погромов скопища идиотов и клеветников можно продолжать долго. Но от молодых лет, от чуждого влияния остались у него и некоторые следы давнего «диссидентства» – такие, как вера в «железный занавес», осуждение девиза Горького «Если враг не сдается, его уничтожают» (враг же, а не оппонент в ученой дискуссии!), «сказочки о Сталине», по его собственному выражению, и т. д.

...Из недавних разговоров с Кожиновым упомяну еще как раз тот, в котором я, прочитав в его газетной статье о «железном занавесе» в Советском Союзе, сказал ему:

– Какой занавес! Это замшелая и наглая черчиллевская чушь. Такая же, как солженицынские десятки миллионов репрессированных, которые ты не раз высмеивал... Если иметь в виду международную жизнь, то наша страна была здесь одной из самых активных: еще до войны мы имели дипломатические и торговые отношения едва ли не со всеми государствами мира, после войны СССР – один из главных создателей ООН, постоянный член Совета безопасности, неременный участник многих международных конференций. Где же тут занавес, Вадим? Были попытки опустить его, установить «санитарный кордон» на наших границах, но они предпринимались не нами, а руководителями стран Запада. Чего стоит хотя бы один только тот факт, что США официально признали СССР, вспомни-ка, лишь в 1933 году, то есть 16 лет пытались изолировать нас! Если же взять научные, культурные, спортивные связи, то разве можно забыть, что многие наши ученые, писатели, театральные коллективы, спортивные команды объездили весь мир. Маяковский, как ты знаешь, по его собственному признанию, «земной шар чуть не весь обошел», Эрнбург едва ли не полжизни прожил во Франции и тоже исколесил всю планету, дважды Герой Социалистического Труда, нобелевский лауреат академик П.Л.Капица с 1921 по 1934 год находился в командировке в Англии. А кто подсчитает, сколько раз ездили за границу Большой театр, МХАТ, Вахтанговский, хор Пятницкого, Ансамбль красноармейской песни и пляски. И есть ли на земле страна, в которой не побывал

бы ансамбль Игоря Моисеева?.. А вспомни, как с самого начала революции обстояло дело с иностранной литературой. Еще в 18-м году Горький создал издательство «Всемирная литература», над входом в которое можно было бы выбить тогда же сказанные слова Блока:

Мы любим все – и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно все – и острый галльский смысл
И сумрачный германский гений...

Многотомные издания, не говоря уж об отдельных книгах, иностранных классиков выходили у нас космическими тиражами, невозможными на их родине. Поистине для многих иностранных классиков СССР стал второй родиной. То же самое и с современной литературой. Где в мире так издавались и читались Джек Лондон, Бернард Шоу, Роллан, Уэллс, Олдингтон, Стейнбек, Хемингуэй, Фолкнер... Ну, вот правда, с Кафкой мы поотстали от прогрессивного человечества. И что, это большая потеря?.. А кино! Я помню еще немой фильм «Кольцо нибелунгов», который видел в самом начале тридцатых годов, помню комиков Пата и Паташона из каких-то иностранных комедий... Потом шли «Богиня джунглей», «Акула Нью-Йорка», «Королева лесов», «Багдадский вор», «Знак Зорро»... Еще позже – «Огни большого города», «Под крышами Парижа», «Маленькая мама», «Большой вальс»... Чаплин и Дуглас Фербенкс, Мэри Пикфорд и Франческа Гааль, Гарри Пиль и Жан Габен были у нас почти так же популярны, как Игорь Ильинский и Любовь Орлова, Николай Крючков и Марина Ладынина. Помню, даже частушка была:

Не садись со мною рядом,
Не гляди в упор.
Я тебе не Гарри Пиль
И не багдадский вор...

А итальянский неореализм! Кто запрещал нам смотреть все его фильмы сразу, как только они появлялись?

– Возможно, ты прав, – сказал Кожин.

– «Железный занавес» был со стороны Запада. На материале науки это убедительно показал недавно академик Алферов. А с нашей стороны был не занавес, а фильтр. Разумный, надежный фильтр, который нужен любому народу, желающему остаться самим собой. К нам приезжали Поль Робсон и Рокуэлл Кент, а наслаждаться воплями Майкла Джексона или завываниями Мадонны гражданин Лужков мог поехать в США за свой счет.

Через несколько дней Вадим позвонил мне и сказал: «Я запомнил твой тезис «не занавес, а фильтр» и обязательно напишу об этом, сославшись на тебя». Увы...

Сейчас я мог бы это дополнить еще и тем, о чем пишет Сергей Куняев в последних главах своей содержательной работы о Павле Васильеве, – о множестве джазов у нас в стране еще в середине 30-х годов. Ведь непуганые телеидиоты постоянно твердят, что джазы были запрещены, за них судили, ссылали, сажали. С.Куняев приводит цитату из «Комсомолки» за 27 октября 1934 года с перечнем: «Джазы Утесова, Ренского, Скоморовского, Березовского, джазы (видимо, гастролировавшие) английский, чехословацкий, женский, даже джаз лилипутов...» А джаз Лундстрема! А частный джаз Цфасмана!.. Автор приводит высказывание концертмейстера Вахтанговского театра тех лет Юрия Елагина: «Ездил Цфасман и его ребята только в международных вагонах. Зарабатывали они бешеные деньги. Вероятно, никто в стране так не зарабатывал. Одевались у лучших портных Москвы... Пользуясь своей популярностью, Цфасман позволял себе невероятные вещи. Например, в Тифлисе в пылу пустяковой ссоры

избил начальника городской милиции, заявив при этом: «Такой дряни, как ты, у нас тысячи, а Цфасман – один». Начальник милиции на следующий день приехал в отель мириться, прислав предварительно дюжину бутылок кахетинского... Тогда легче было подписать приказ об аресте маршала или члена ЦК, чем арестовать музыканта из джаза Цфасмана...» («Наш современник» № 12 2000, с. 198).

...Когда мы разговаривали по телефону последний раз, я сказал Вадиму, что в нашем доме «кожиновские дни»: жена с удовольствием читала его «Тютчева», а я – новые публикации в газетах. Готовился писать о нем статью, в которой собирался кое в чем и поспорить...

Замечательный журналист Виктор Кожемяко, напечатавший в «Правде» и «Советской России» много больших, содержательных, интересных бесед с Кожиновым, сейчас пишет: «Без Вадима Кожинова нам нельзя. Нужно знать его и опираться на него в борьбе за родину!.. Он ведь столько успел сказать! И необходимо в этом сказанном хорошо разобраться. Я буду много писать о его книгах и об этом замечательном человеке». Желая от души неутомимому Виктору Стефановичу успеха и в этом его очередном благородном намерении. Но хорошо бы, разбираясь в оставленном наследии, поменьше брэнчать громкими фразами («Великая, могучая, необоримая сила» и т. п.), а побольше размышлять, анализировать, сопоставлять.

А то ведь что иной раз получается даже не при обращении к наследию, а при живой беседе с широко известным и авторитетным автором. Вот один из них в пушкинские дни взялся поновому представить нам в стихотворении «Клеветникам России» с детства знакомые строки, обращенные к Западу:

И ненавидите вы нас...
За что ж? Ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы...

Воображение неопушкиниста поразили слова «под кем дрожали вы», и он разъясняет: «Конечно, Пушкин использует здесь, можно сказать, очень грубый образ, на грани пристойности». Вы догадались, на что намек? Да очень просто: великий поэт, по убеждению толкователя, хотел представить здесь покорение Наполеоном Европы в виде изнасилования несчастной дамы. И толкователь в восторге от этого образа на грани пристойности, ибо он «с одной стороны, почти незамечаемый читателем, а с другой – поразительно точный». Но что это значит – почти незамечаемый? И зачем такой образ нужен в политическом стихотворении, где все остальное предельно ясно? Но образ так понравился неопушкинисту, что он берет его на вооружение: «В неприязни Запада к России заметную роль играл стыд немцев, «дрожавших под Наполеоном», и французов, «дрожавших под Гитлером». Словом, перед нами мировая история в виде эротических картинок из «Плейбоя»... И вот вместо недоуменных слов «Да вы, сударь мой, в своем ли уме?!», мы слышим от журналиста вопли восхищения и радости: ах, как ново! ах, как тонко! ах, как глубоко!.. И эта чушь порнографического пушкиноведения пошла гулять по святой Руси в пушкинские дни со «знаком качества», поставленным журналистом, награжденном пушкинской медалью...

У В.Кожинова порой встречаются довольно неожиданные и удивительные для человека такого ума и эрудиции суждения о некоторых писателях и фактах литературы. Так, он писал, что Е.Евтушенко только благодаря стихам о Сталине «сразу же обрел статус «ведущего молодого поэта». Разве это так? Или вот рассказывает: однажды «оказался в кафе ЦДЛ за одним столом с давним близким приятелем Евтушенко Евгением Винокуровым, который известен написанным им в 1957 году текстом песни «В полях за Вислой сонной...» – текстом, надо ска-

зять, странноватым». С Винокуровым в 1946 году мы вместе пришли в Литературный институт с фронта, и все студенческие годы были друзьями: состояли в одном творческом семинаре, ходили на литературные вечера и пирушки, ездили в мою деревню Рыльское, что в Тульской области близ Куликова поля, дарили друг другу книги. У меня есть, пожалуй, все его книги с дружескими дарственными надписями. На «Признаньях» он написал: «Дорогому старинному другу, в память нашей молодости, Тулы и Литинститута, с верою в нашу дружбу, долголетнюю и испытанную, от всей души. Женя Винокуров. 30.XI.58.» На книге «Музыка» (1964 г.) добавил: «Надо дорожить старой дружбой»...

Винокуров умер в 1993 году... В одном стихотворении, посвященном жене, он писал, что вот наша жизнь уже давно течет спокойно и тихо, вроде бы смешно говорить о любви, «Но... ты уйдешь – и я умру». Это не было перепевом, допустим, Михаила Кузмина:

Уйдешь – и лягу я на лавку,
И смерть скует уста мои!

Нет, это был не перепев, а такое отношение к поэтическому слову, о котором писал Пастернак:

Искусство это Рим, который
Взамен турусов и колес
Не читки требует с актера,
А полной гибели всерьез.

... Жена ушла. И он умер. Это случилось 25 января, в Татьянин день. Жену звали Татьяна. Сейчас она в Америке... Как странно, и поэт и не понимавший его критик оба умерли в Татьянин день. «Это было при нас...»

Так вот, не только во имя верности почившему другу я должен сказать следующее. Во-первых, то, о чем говорил Кожин, это не «текст», Винокуров тексты для песен, как Шаферан или Резник, не строгал, – это стихотворение. И называется оно не «В полях за Вислой сонной», а «Москвичи». И написано не в 1957 году, а в 1953-м. Уже из этих фактов видно, что критик поспешно судил о творчестве поэта. Но главное, сказать о Винокурове, что он стал известен только благодаря названному «тексту», это примерно то же, что, допустим, сказать о Борисе Корнилове, будто он стал известен благодаря «тексту» замечательной «Песни о встречном» Шостаковича или сам Кожин – благодаря исполнению в дружеском кругу старинных русских романсов.

На мой взгляд, стихотворение «Москвичи» и песня на его текст прекрасны.

В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой
Сережка с Малой Бронной
И Витька с Моховой.
А где-то в людном мире
Который год подряд
Одни в пустой квартире
Их матери не спят.
Свет лампы воспаленной
Плывает над Москвой
В окне на Малой Бронной,
В окне на Моховой...

Друзьям не встать. В округе
Без них идет кино.
Девчонки их подруги
Все замужем давно.
Пылает свод бездонный,
И ночь шумит листвою...
Над тихой Малой Бронной,
Над тихой Моховой.

Критик усмотрел здесь нечто «странноватое». Что же именно? Во-первых, говорит, «Витька с Моховой» – выдумка, ибо на этой улице «давно уже не имелось ни одного жилого дома». Убедительно? Ведь в самом деле по фасаду этой улицы нет жилых домов. Но какое отношение имеет это к поэзии? Во-вторых, по поводу слов «одни в пустой квартире их матери не спят» критик заявил: «В Москве почти не было тогда отдельных квартир». Это не так. И тогда в отдельных квартирах жили не только большие начальники, известные ученые, крупные военные, прославленные писатели – в Лаврушинском, в Фурманном, в проезде МХАТа, в корпусах «А» и «Б» на улице Горького. Сейчас вспоминаю, что в отдельных квартирах жили мои тогда отнюдь не знаменитые однокурсники: Гарольд Регистан на Арбате, Владимир Комиссаров на Никитской, Люда Шлейман в Фурманном, Андрей Марголин на Первой Мещанской в Капельском переулке да и сам Винокуров на улице Веснина... Но какое отношение имеет это к поэзии? Тем более, что в стихотворении не говорится об «отдельной» квартире, а ведь свою и единственную комнату в коммуналке мы называли и квартирой и даже домом. Но критик настаивает: «Одиноких матерей в отдельных квартирах наверняка бы «уплотнили». Нет, в послевоенную пору это уже не делалось. Главный же упрек таков: «Девчонки их подруги все замужем давно», – спрашивается, каким же образом все, если в поколении, которому было от двадцати до тридцати лет в 1946 году, имелось 15,6 млн. женщин и всего 10,8 млн. мужчин, т. е. на 4,8 млн. меньше?» Поверил гармонию алгеброй... По-моему, это то же самое, что по поводу слов «Выхожу один я на дорогу» сказать, заглянув в справочник: «Спрашивается, почему же один, если в 1841 году, когда это написано, население России составляло согласно статистическим данным (допустим) 63, 7 млн.?»... В принятом направлении можно продолжать и дальше: «Их матери не спят который год подряд? Нет, человек не может без сна столь длительное время. И наконец, почему «за Вислой», а не за Одером или даже Шпрее? Разве Красная Армия дошла только до Вислы?» Все это печально...

Дальше читаем, что тогда в кафе ЦДЛ Винокуров высказал о Евтушенко весьма резкое и едкое суждение, и критик уверен, будто сделал он это лишь по той причине, что «выпил лишнего и к тому же был тогда, вероятно, за что-то зол на давнего приятеля». Это предположительное суждение неосновательно. Евтушенко нередко похваливал Винокурова, но тот, человек очень чистый и цельный, никогда не был его приятелем. И говорил он неприязненно о Евтушенке отнюдь не только после выпивки, чем, впрочем, не злоупотреблял, или со зла на какую-то обиду... Был такой случай. В феврале 1991 года в «Советской России» в двух номерах была напечатана моя большая статья о Евтушенке. По мнению многих, статья убойная. Женя позвонил и попросил прислать ее. Видимо, из-за болезни он уже не выходил из дома. Я послал. Через несколько дней он позвонил и сказал: «Слабо ты о нем написал. Надо было гораздо резче».

Винокуров прекрасный поэт. Позволю себе привести здесь очень характерное для него стихотворение, давно любимое мной.

Я посетил тот город, где когда-то
Я женщину всем сердцем полюбил.

Она была безмерно виновата
Передо мной. Ее я не забыл.
Вот дом ее. Мне говорят подробно,
Как осенью минувшей умерла...
Она была и ласкова и злобна,
Она была и лжива и мила.
...Я не решаю сложную задачу,
Глубинную загадку бытия.
Я ничего не знаю. Только плачу.
Где все понять мне?
Просто плачу я.

...И невольно приходит мысль: разбираясь в наследии Кожинова, хватит ли у В. Кожемяки при всем его оптимизме и жизнерадостности еще и мужества, чтобы поспорить хотя бы о фигурах, подобных Евгению Винокурову?..А ведь при этом надо помнить, что сам Кожинов не стеснялся вступать в спор с любым авторитетом, если речь шла о том, чтобы докопаться до истины или отстоять свою часто совершенно неожиданную точку зрения. Иного отношения не потерпел бы он и к себе, поэтому его огорчила бы такая, например, похвала: «Возразить ему, а тем более его опровергнуть никто не мог». Как после этого поверить, что вот, а Кожемяко сможет!.. Но если оспаривают Сократа и Аристотеля, Гегеля и Маркса, академиков Сахарова (совесть народа № 1), Лихачева (с. н. № 2), Солженицына (с. н. № 3) и Героя Соцтруда Распутина (с. н. № 4), то почему же хотя бы не возразить кое в чем и Кожинову, пусть уже и его в порядке серийного производства объявили «совестью русской интеллигенции» («Завтра», № 5)? И, конечно, ему возражали не раз... Вот радостный В.Кожемяко приводит его мысль: «Я могу согласиться, что Россия – некая тюрьма народов, но при условии, что те люди, которые ее так называют, честно и логично скажут: европейские страны и США представляют собой кладбище народов». Журналисту эта уступка нравится, а я решительно возражаю: для меня «равенство» с Европой и Америкой на таком уровне неприемлемо, я ни при каких условиях не могу согласиться, что моя родина – «тюрьма народов» или «империя зла», – пусть даже Буш сам объявит Америку зловонным болотом, на дне которого шевелится крокодил. И по этому вопросу я недавно возражал самому президенту нашей страны, который, чтобы угодить Хакамаде, заявил, что прозвище «тюрьмы» Россия получила «не без основания». С другой стороны, думаю, Кожинова не порадовали бы похвалы и такого рода: «В его представлении любовь к родине в оправдании не нуждается... Патриотизм не был для него чувством изменчивым... Это так же странно, как если сказать: «Дыхание чистым воздухом Кожинов не считал делом омерзительным и подлым».

В январском номере «Нашего современника», вышедшем за несколько дней до его смерти, Кожинов, член редколлегии журнала, напечатал «Заметки на полях – но об очень важном». Там он писал: «Истина рождается в спорах, и полемика важна, более того, необходима не только между далекими друг от друга, но и близкими по своим убеждениям людьми. Поэтому читатели не должны воспринять как нечто несообразное мой спор с двумя видными авторами и одновременно членами редколлегии нашего журнала». Спорит он с Александром Казинцевым и Сергеем Семановым, «уважаемым ветераном патриотического движения». И, следуя его собственному критическому духу, в спор этот нельзя не вмешаться.

Названный ветеран напечатал в журнале язвительную рецензию на книгу Виктора Топорова «Двойное дело. Признания скандалиста». Кожинов пишет, что Семанов сам «относительно не чурается «скандальности», и, возможно, кто-либо даже придет к выводу, что его нападки вызваны своего рода ревностью к Топорову, «превзошедшему» его в этом плане». Ну, во-первых, многовато здесь неопределенности: «возможно»... «кто-либо». И зачем некоторые слова

взяты в кавычки и что это означает? А что такое ревность «особого рода»? Во-вторых, если прибегать к такому доводу, как ревность, то к ней можно свести любую критику. Но Кожинов идет и дальше по той же стезе: «Семанов цитирует и комментирует почти исключительно те фрагменты книги, в которых выразилась «еврейская самокритика». Казалось бы, что плохого в такой самокритике? И может возникнуть такое предположение: С.Семанов недоволен тем, что еврей В.Топоров превзошел русских в национальной самокритике». Значит, там ревность, а здесь – зависть. Небогатый выбор. И опять увертка: «может возникнуть предположение...» У кого? И о какой «самокритике русских» можно и нужно сейчас говорить, когда идет не самокритика, а оплевывание всего русского, причем, больше всего – именно евреями. Непонятно, чем же недоволен Семанов.

Я, как и Кожинов, недоволен рецензией Семанова, но совсем не его ревностью. В.Топоров один из очень немногих евреев-литераторов, который осмеливается ныне говорить правду о своих соплеменниках. Так, в книге «Двойное дело» он решительно утверждает: «Евреи сделали в массе своей капиталистический, «демократический», проельцинский выбор – с великим энтузиазмом! – взяв на себя тем самым часть ответственности за общегосударственные и социально-экономические метаморфозы самого пагубного свойства. Огромную часть ответственности! И в очередной раз проявили национальную беспечность – хотя бы потому, что эту ответственность рано или поздно возложат только на них». С.Семанов приводит эти слова, но вместо того, чтобы признать их смелость, правдивость и поддержать, он увидел в них лишь встревоженность автора за своих. Не так давно еще достопаечальнее встретили ветераны патристического движения известное письмо писателя Тополя кровососу Березовскому. Оно было честным, мужественным, пронизанным любовью к России, но в нем увидели только хитрость да боязнь за собственную шкуру.

Более важный вопрос составил предмет второго спора. А.Казинцев считает «реформаторов», доведших страну до нынешнего катастрофического положения, не бездарными неумехами, а сознательными врагами, умными и умелыми. В.Кожинов решительно возражает: «Прямых точных доказательств этого нет... Достоверных сведений о вражеских агентах не имеется». Какие еще нужны доказательства, какие сведения, когда полстраны замерзает, горит, тонет, вымирает от недоедания и болезней, а другая половина страны поет и пляшет!.. Тут сказалась давняя приверженность Кожинова к букве, к цитате, к форме. Он поверил бы, что это враги, только в том случае, если ему представили бы, допустим, соответствующие документы заговора, стенограммы тайных заседаний какого-то комитета и т. п. Да, к 1985 году страна давно нуждалась в серьезных переменах. И нельзя было бы подозревать во вражеских замыслах людей, которые взялись их проводить, но видя, что ничего не получается, наоборот, становится все хуже, через год-два, страдая вместе с народом, или изменили бы курс перемен, или ушли бы со сцены. Более того, не было бы оснований сомневаться даже в том, что это честные и любящие родину люди. Но ведь у нас все не так. Да, ни Горбачев, ни Ельцин, ни Гайдар изначально не были врагами. Несомненно, они хотели блага стране. Но, будучи людьми невежественными, самоуверенными, самовлюбленными, презирающими предшественников, они с каждым годом ухудшали положение, однако не меняли курс, не призвали других людей, не ушли, а запутались, обратились за помощью к Западу, попали к нему в полную зависимость и продолжали твердить, что иного пути нет. Наконец, настал день, когда надо было выбирать между благополучием родины и своей шкурой. Они выбрали шкуру. Так из самовлюбленных невежд они стали предателями и врагами. Крайне странно, что Кожинов не понимал этого...

Как у многих из нас, у Вадима были свои пристрастия, заблуждения, ошибки, странности, противоречия, завихрения... Это тем более понятно и простительно, если принять во внимание, с одной стороны, необычайную широту его литературных и исторических интересов, а с другой, то обстоятельство, что писал он о времени, событиях и о людях крайне сложных, неоднозначных, порой и загадочных... Вот, допустим пишет: «Если выразиться модной в свое

время фразой «количество переходит в качество...» Это не модная фраза, а закон природы, вовсе не отмененный Ельциным, что можно подтвердить на примере самого исследователя. Он признается: «Я долго считал своего рода дикостью и беспределом переселение народов в целом», имевшее место во время войны. Но углубленное изучение вопроса, привело его к пониманию необходимости этой меры. В самом деле, он узнал, что в феврале 1942 года, т. е. вскоре после нападения японцев на Пирл-Харбор, президент Рузвельт, за которым осталась репутация гуманнейшего политика XX века, приказал совершенно в сталинском духе отправить в специальные концентрационные лагеря 112 тысяч американских японцев: вдруг, мол, самураи десант высадят! Почему же мы не должны были подобным образом поступить с немцами Поволжья, когда их соплеменники напали на нас? Я сказал «в сталинском духе»? Нет, американцы поступили гораздо менее обоснованно и более сурово, чем мы. Во-первых, какой десант, если от берегов Японии до США 3500 километров, а у нас немцы жили внутри страны, в тылу сражающейся Красной Армии. Во-вторых, американцы загнали своих японцев в концлагерь с весьма суровым режимом, а мы лишь переселили немцев в другие районы, где они жили и работали в обычных условиях. Еще более закономерным оказалось переселение некоторых народов Северного Кавказа. Кожинов докопался до такого, например, документа, датированного 6 ноября 1942 года, т. е. временем самых ожесточенных и решительных боев в Сталинграде: «Когда немецкие вооруженные силы вошли в Карачаевскую область, они были встречены всеобщим ликованием. В готовности помочь немцам они превзошли самих себя. Так, айнзацкоманда полиции безопасности, прибывшая в карачаевскую деревню южнее Кисловодска, была принята с воодушевлением. Сотрудников команды обнимали и поднимали на плечи. Предлагали подарки и произносились речи, которые заканчивались здравицей в честь Гитлера... К этим предложениям присоединились также представители балкарцев... Примечательно стремление примерно 60 тысяч балкарцев отделиться от кабардинцев (оставшихся верными советской власти. – В.Б.) и присоединиться к карачаевцам, насчитывающим примерно 120 тысяч человек. Обе племенные группы выразили свое единение с «Великой германской империей» и т. д. Что же это за документ – донесение советской разведки, информация тайного агента НКВД? Нет, это аналитическая записка германской службы безопасности «Общее положение в оперативном районе Северного Кавказа», составленная по донесениям с мест.

А как обстояло дело с крымскими татарами? Кожинов узнал, что даже в конце войны, в январе 1945 года 10 тысяч их сражались вместе с немцами против Красной Армии. Что это за цифра, велика ли она? Исследователь пишет, что всего крымских татар было до войны около 200 тысяч, мужчин, естественно, примерно 100 тысяч, из них солдатского возраста – около 50. Значит, каждый пятый татарин, способный носить оружие, был с оккупантами. А всего «численность воевавших на стороне гитлеровских войск национальных формирований из числа народов СССР была свыше 1 миллиона человек». Под влиянием этих и подобных фактов, цифр, обретенных в ходе настойчивого исследования, Кожинов и отказался от своего прежнего взгляда на проблему и обрел совершенно иной. Вот и произошел переход количества в качество знания о нем, в чем Кожинов не постеснялся признаться. Он умел учиться.

Но есть основание думать, что иные его почитатели не захотят или не решаться последовать собственному примеру исследователя даже там, где необходимость этого совершенно очевидна. Так, в последней прижизненной публикации «Миф о 1941-м годе» («Завтра» № 4, 2001) Кожинов писал, что за все время Отечественной войны лишь двум генералам было присвоено звание Маршала Советского Союза – Г.К.Жукову и А.М.Василевскому. Это не так. Во-первых, за Жуковым и Василевским 6 марта 1943 года третьим маршалом военных лет стал Верховный Главнокомандующий. Во-вторых, после этого в 1944 году звание Маршалов Советского Союза получили еще шесть генералов: И.С.Конеv – 22 февраля 1944 года, Л.А.Говоров – 18 июня 1944 года, К.К. Рокоссовский – 29 июня 1944 года, Р.Я.Малиновский – 10 сентября

1944 года, Ф.И. Толбухин – 12 сентября 1944 года и К.А.Мерецков – 26 октября 1944 года. Я уж не говорю о том, что в это же время три генерала стали Главными маршалами своих родов войск: Н.Н.Воронов – артиллерии, А.Е.Голованов – авиации, А.А. Новиков – авиации. К тому же еще 12 генералов стали «рядовыми» маршалами родов войск. Ничего удивительного: армия была большая, война – долгая. И были эти маршалы в большинстве своем лет сорока пяти, а то и сорока: А.Е. Голованов, маршал авиации Н.С. Скрипко или маршал войск связи И.Т. Пересыпкин. Таких воспитала «безбожная советская власть», таких выдвигал Сталин... Ошибка Кожинова в этом вопросе представляется мне даже загадочной. Крайне странно, что никто из сотрудников редакции, через чьи руки прошла статья, не знали хотя бы о том, что Рокоссовский стал маршалом во время войны, но вот же – из почтения никто не поправил...

Но вопрос о маршалах, что ж, это частность, хотя и досадная. Дело серьезней, когда Кожинов, рассуждая о том, что-де после каждой революции рано или поздно приходит реставрация, пишет: во Франции после революции 1789 года реставрация наступила довольно скоро, а у нас «нечто подобное реставрации началось только в 1991 году, то есть не через четверть века, а через три четверти.» Это не так. У нас было не «нечто подобное реставрации», а отказ от многих революционных крайностей, излишеств, и началось это не в 91-м году, а в июле 1934-го, т. е. через 17 лет – с решительной критики Сталиным статьи Энгельса «Внешняя политика русского царизма». Первый коммунист страны писал в том же примерно духе, как напомнил Кожинов, что и непротивленец Лев Толстой при чтении «Истории» С.М.Соловьева: сплошь негодяи да прохвосты, а кто же создал великую империю?

Вслед за статьей Сталина разумно и постепенно были возвращены звания маршала (1935), генерала (1940), офицера (1941–1942)... Впрочем, еще в начале двадцатых годов мы напевали: «Ведь с нами Ворошилов – первый красный офицер...» Уже в войну были учреждены ордена Суворова, Кутузова, Александра Невского (все три – в 1942 г.), орден Славы на георгиевской ленте (1943), введены погоны (1943), ордена Ушакова, Нахимова (оба – в 1944 г.), была поддержана церковь, избран патриарх, отменен запрет на колокольный благовест (все это в 1943 г.), Красная Армия стала Советской (вскоре после войны) и т. д. вплоть до восстановления новогодней елки (1936), запрещенной, между прочим, не большевиками в 1917-м, а царским правительством в 1914-м как католической затее. Это стояло в одном ряду с такими суперпатриотическими делами того времени, как переименование Петербурга... А что произошло в 91-м? Обкомовский алкаш в одночасье и самодурно навязал стране ненавидимые народом старый имперский герб, власовский флаг и даже обращение «господин», которого разумные люди до сих пор чураются и при всяком удобном случае стеснительно заменяют его словами «друзья», «коллеги» и т. п.

Но читаем дальше: «Относительно быстрая реставрация во Франции определялась, конечно же, ее военным поражением в 1812–1814 годах, и если бы в 1941—1945-м мы не победили, а потерпели поражение, у нас произошло бы то же самое». Что – то же самое? Во Франции вернули Бурбонов, и это сделали сами французы. А у нас немцы вернули бы Романовых и весь прежний строй? Примерно так считает и Солженицын: «Подумаешь, что за беда, если бы победили немцы! Справляли елку на Новый год, стали бы, как при царе, на Рождество». Но даже он не думал, что фашисты вернут Романовых, ибо тут же добавлял: «Вешали портрет с усами, стали бы вешать с усиками», то есть портрет того самого, кто еще до нападения на нас изрек: «Россия должна быть уничтожена!» Со всеми ее Романовыми в прошлом и большевиками в настоящем, со всеми орлами и красными знаменами. Тут Кожинов решительно противоречил самому себе...

А что вы скажете, Виктор Стефанович, о таком неожиданном заявлении Вадима Кожинова: «Благодаря общению с Бахтиным я отделался от одного из самых распространенных, вздорных и вредных мифов – мифа о прогрессе. Будто мир все время совершенствуется, и что бы ни происходило – все к лучшему. На самом деле – таков закон и человеческого обще-

ства и Вселенной – никакого прогресса нет». Странно, правда? Если это миф и притом такой вздорный, то почему же умный, образованный человек отделался от него и, видимо, с трудом лишь на четвертом десятке жизни да еще с чужой помощью, а не лет в двадцать и самостоятельно? Кроме того, здесь смешаны два вопроса: вера в прогресс и вера в то, что все к лучшему. Адептом второй был, как известно, печально знаменитый персонаж Вольтера – доктор Панглос, у первой сторонников гораздо больше. «Истина в том, – продолжал Кожин, – что любые приобретения в то же время являются и утратами, все уравнивается». Но это уже третья идея, против которой едва ли можно возразить. Допустим, когда-то путь из Петербурга в Москву занимал несколько дней. Это было утомительно, тягостно, но и давало возможность многое увидеть, узнать, насладиться красотами природы. Теперь путь даже наземный занимает четыре часа. За это время успеешь лишь просмотреть несколько газет. Явная утрата. Но, во-первых, может быть, мне как раз надо во что бы то ни стало очень быстро прибыть из одного города в другой, это для меня главное. Во-вторых, никто не мешает тебе идти хоть месяц пешком и любоваться пейзажами. А Кожин в доказательство универсальности закона отсутствия прогресса приводит такой пример: «Когда мне было 15–16 лет, появился пенициллин. Казалось, любые болезни будут побеждены. А оказалось, что более или менее регулярное использование пенициллина приводит к ослаблению иммунной системы, и человек оказывается беззащитен против любой заразы». Тут можно сказать одно: не надо пользоваться пенициллином регулярно, а лишь иногда по мере необходимости. Примерчик уж слишком простецкий. И мы позволим себе не мудрствовать. Вот статья Кожина «Уроки истории» в журнале «Москва» № 11 за 1986 год. В ней автор одобрительно и неоднократно ссылается, как на авторитетные источники, на высказывания не только Е.К.Лигачева, но и Горбачева, Ельцина. В более поздних работах исследователя ничего подобного уже нет. Разве это не прогресс? Причем, безо всякой утраты.

В.Кожемяко согласно-одобрительно пересказывает такое место из статьи Кожина: «Дух революционизма еще был силен в обществе и заставлял, скажем, такого записного «гуманиста», как Корней Чуковский, писать Сталину письмо с предложением создать специальные лагеря для малолетних, куда надо бы отправлять школьников даже за шалости в классе. Вот вам реальность времени!» Да, было такое письмо с предложением «провести тщательную чистку каждой школы», чтобы «избавиться от заразы – от социально опасных детей» посредством «возможно большего» количества «трудколоний с суровым военным режимом». Во главе колоний или лагерей с обязательным земледельческим трудом детолюбивый автор «Мойдодыра» предлагал поставить почему-то не агрономов или пионервожатых, а военных. Естественно, что «для управления трудколониями должно быть создано особое ведомство» во главе, надо полагать, с Бармалеем. Как бы оно называлось? Естественно, Главное управление лагерей для школьников – ГУЛАШ. Письмо было подписано: «С глубоким почтением писатель К.Чуковский». Кожин писал об этом письме, как о чрезвычайно характерном для «атмосферы времени»: «сравнительно недавно произошла революция и беспощадность была, как говорится, в крови у многих». Но так ли это? Какое отношение, Виктор Стефанович, к революции и ее духу хоть когда-нибудь имел Чуковский? Тот самый, о котором Ленин писал после революции 1905 года: «В наши дни ляганье марксизма есть неременное условие популярности в демократических кругах общества. Пример – Чуковский». И дальше: «Чуковские думают, что раз этот (революционный) лагерь оттеснен, придавлен, загнан в подполье, значит, «исчезла гегемония»... Потресовы, Базаровы и проч. – для нас чужие люди, не менее чужие, чем Чуковские». Тут, конечно, невольно приходит мысль: как же при всем этом Корней Иванович не поперхнулся, когда ему вручали ордена Ленина, а потом – Ленинскую премию? Или они тоже не пахнут?.. Но дело сейчас не в этом. Важнее то обстоятельство, что письмо Сталину была написано в мае 1943 года, когда Чуковский возвратился из Ташкента, куда драпанул страшной осенью 41-го, и опять стал жить-поживать да стишки сочинять на роскошной даче в Передел-

кино, бесплатно построенной ему, Пастернаку и другим писателям по указанию Сталина. В ту пору прошло после Октября уже 26 лет, а самому Чуковскому шел седьмой десяток, и если он был чужим революции даже в молодости, то откуда бы взяться «духу революционизма», жестокости, именно им рожденной, теперь и в такое время? Борис Пастернак тогда писал:

Все нынешней весной особое.
Живее воробьев шумиха...
Я даже выразить не пробую,
Как на душе светло и тихо...

Такова была переделкинская атмосфера 1943–1944 годов. Поэтому Кожин был не прав, сваливая бармалейское письмо Чуковского на революцию и на атмосферу времени. Оно – проявление индивидуальной природы и духовной атмосферы классика детской литературы. Они были чрезвычайно своеобразны и переменчивы, его атмосфера и натура. Взять хотя бы такой пример, оставаясь в круге тех же лиц. 21 апреля 1936 года Чуковский и Пастернак были гостями съезда комсомола и сидели в одном из передних рядов Большого кремлевского дворца. На другой день 53-летний классик зафиксировал в своем дневнике такое восхищение увиденным на съезде Сталиным, что по искренности и пронзительности это можно сравнить в русской литературе разве только с восторгом 19-летнего корнета Николиньки Ростова из «Войны и мира» при виде царя Александра. Помните?

«Когда государь приблизился на расстояние двадцати шагов и Николай ясно, до всех подробностей рассмотрел прекрасное, молодое и счастливое лицо императора, он испытал чувство нежности и восторга, подобного которому он еще не испытывал. Всякая черта, всякое движение – казалось ему прелестно в государе... Увидев его улыбку, Ростов сам невольно начал улыбаться и почувствовал еще сильнейший прилив любви к своему государю. Ему хотелось выказать чем-нибудь любовь к своему государю. Он знал, что это невозможно, и ему хотелось плакать... «Боже мой! что бы со мной было, ежели бы ко мне обратился государь! – думал Ростов. – Я бы умер от счастья...»

Чуковский: «Вдруг появляются Каганович, Ворошилов, Андреев, Жданов и Сталин. Что сделалось с залом! А ОН (Так в тексте. – В.Б.) стоял, немного утомленный, задумчивый и величавый. Чувствовалась огромная привычка к власти, сила и в то же время что-то женственное, мягкое. Я оглянулся: у всех были влюбленные, нежные, одухотворенные и смеющиеся лица. Видеть его – просто видеть – для всех нас было счастьем. К нему все время обращалась с какими-то разговорами Демченко. И мы все ревновали, завидовали, – счастливая! Каждый его жест воспринимали с благоговением. Никогда я даже не считал себя способным на такие чувства. Когда ему аплодировали, он вынул часы (серебряные) и показал аудитории с прелестной улыбкой – все мы так и зашептали. «Часы, часы, он показал часы» – и потом, расходясь, уже возле вешалок вновь вспоминали об этих часах.

Пастернак шептал мне все время о нем восторженные слова, а я – ему, и оба мы в один голос сказали: «Ах, эта Демченко, заслоняет его!» (на минуту). Домой мы шли вместе с Пастернаком и оба упивались нашей радостью...»

Право, и не знаешь, кому тут отдать пальму первенства – юному корнету или старому классику. Пожалуй, оба могли умереть от счастья. И после этого нам говорят, будто Пастернак, Мандельштам или Ахматова слагали оды Сталину по принуждению или по необходимости!

Но вот прошло время, и 2 декабря 1967 года Чуковский записывает в том же дневнике: «Очевидно каждому солдату во время войны выдавалась, кроме ружья и шинели, книга Сталина «Основы ленинизма»... Предположение совершенно нелепое. Да и книга Сталина называлась не «Основы», «Вопросы ленинизма». Но читаем дальше: «У нас в Переделкине в моей усадьбе (мог бы уточнить: «предоставленной Сталиным». – В.Б.) стояли солдаты. Потом они

ушли на фронт (мог бы добавить: «...а я рванул в Ташкент». – В.Б.) и каждый из них кинул эту книгу в угол моей комнаты. Было экземпляров 60. Я предложил конторе городка писателей взять у меня эти книги. Там обещали, но надули. Тогда я ночью, сознавая, что совершаю политическое преступление, засыпал этими бездарными книгами небольшой ров в лесочке и засыпал их глиной. Там они мирно гниют 24 года, – эти священные творения нашего Мао». Стоп! 24 года? Это значит, что тайную ночную расправу над «бездарными книгами» Бармалей совершил в том самом 1943 году, когда с глубоким почтением писал письмо дорогому Иосифу Виссарионовичу с предложением создать ГУЛАШ. Не исключено, что даже в один день: утром – письмо, ночью – расправа. Вот какая это было сложная натура. И не случайно, что именно Чуковский приютил в свое время на своей даче Солженицына, божью тварь с еще более сложной натурой... О Чуковском стоит еще добавить, что мало кто из советских писателей получил от власти, в частности, при посредстве Сталина столько, сколько он – от предоставленной ему, ленинградцу, отличной квартиры в знаменитом тогда только что возведенном «корпусе А» в начале главной столичной улицы Горького и огромной дачи до немыслимых тиражей, орденов, премий. Получая все это от щедрой власти, он забыл, как проклинал свою жизнь до революции: «Уничтожил бы с радостью это время. Страшна была моя неприкаянность ни к чему, безместность... Я, как незаконнорожденный, не имеющий даже национальности (кто я – еврей? русский? украинец?) – был самым бесцельным непрым человеком на земле...»

Большую роль в жизни Вадима Кожинова сыграла уже упомянутая встреча с М.М.Бахтиным, который был на 35 лет старше его. «Он в каком-то смысле передал мне идейную эстафету русской традиции», – уверял Кожинов. Допустим, так. Но тут нельзя не вспомнить, что «в разгар хрущевского правления» у Кожинова, как уже отмечалось, был весьма прискорбный период «радикальнейшего «диссидентства», в чем он не раз признавался: «Я безоговорочно «отрицал» все то, что совершалось в России с 1917 года». Все!.. Ему тогда уже перевалило за тридцать, – возраст, казалось бы, уж полной зрелости. Как он замечает, сие «отрицание» тоже явилось результатом бесед с М.М.Бахтиным. Видимо, этими беседами объясняется многое, в частности, хотя бы тот, например, факт, что критик брал в кавычки слова «враги народа», «кулаки», «бедняки» или писал «так называемые кулаки», или давал такое пояснение: бедняков перед коллективизацией не было, а были лентяи: «Поскольку в период нэпа каждый крестьянин мог получить достаточный земельный надел, «бедняками» к концу 1920-х годов оказались в значительной мере те, кто не были склонны к упорному труду и питали ненависть к «крепким» хозяевам». Такой взгляд давно известен, его можно было позаимствовать не только у Бахтина, а хотя бы и у самих кулаков. Но согласуется ли это все с «эстафетой русской традиции»?

Или вот Кожинов сопоставляет голод 1891 года и 1921-го, т. е. в царской России и в советской. Отмечает, что в обоих случаях была жестокая засуха. И в первом «неурожай охватил территорию с населением в 30 миллионов. И тем не менее, благодаря мерам, принятым государством и обществом, голодных смертей в прямом точном смысле этого слова в 1891–1992 годах, в сущности, не было; от недостаточного питания умерли лишь больные и слабые. Между тем в 1921–1922 годах миллионы стали жертвами тотального голода».

Тут возникает много вопросов, недоумений и сожалений. Во-первых, очень жаль, что вопреки скрупулезному обыкновению автор не указал здесь источник столь обстоятельных данных вплоть до «голодной смерти в точном смысле». Это тем более досадно, что по данным, например, первого издания Большой советской энциклопедии (1930 г.), в 1921 году засуха поразила территорию с населением в три раза больше – в 90 млн. человек, из которых голодало не менее 40 миллионов и умерло около 5 миллионов (т.17, с.463). Во-вторых, автор уверял, будто «факты ясно свидетельствуют, что революционная власть не предприняла необходимых мер для спасения людей». Но никакие факты этого рода не приводятся. Более того, читаем: «Власть воистину варварски использовала страшный голод в своих интересах, проведя изъятие

церковных ценностей якобы (?) для закупки продовольствия для голодающих». Почему якобы? Где доказательства, что власть действовала при этом «в своих интересах»? И что это такое – «свои интересы» власти? Ведь речь-то не о «семье» Ельцина. Кожин приводит слова Ленина о том, что без средств, которые может дать изъятие, «никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе (где проходила тогда международная конференция. – В.К.) в особенности совершенно невысказанными».

Это у автора и есть главный факт безразличия власти к голодающим. Но из чего следует, что названные Лениным государственная работа, хозяйственное строительство не включали в себя самым естественным образом и помощь голодающим? И потом, разве наша делегация на Генуэзской конференции, выдвинув требования возместить убытки, причиненные стране иностранной интервенцией и блокадой, отстаивала интересы Ленина, Сталина да Чичерина, а не всего народа, в том числе голодающих? Наконец, если голод действительно был страшным, а он таким и был, то почему же церковь довела дело до насильственного изъятия ее ценностей, как при Петре снимали колокола для пушек? Почему сама не пришла на помощь голодающим, не поделилась своими богатствами, как учит ее Христос? Увы, церковь и сейчас ни с кем не делится...

Но самое-то главное в другом. Дело не только в засухе. Что такое 1891–1892 годы в России? Мирная спокойная жизнь. Страна уже давно не знает войн. В ту пору власть, возможно, действительно была в состоянии хорошо помочь голодающим, и странно, почему Кожин не привел тут никаких фактов. А что такое 1921–1922 годы? Восьмой год идет страшнейшая война, и не где-то на чужой земле или за морем, как это было для американцев, англичан и немцев, а на своей собственной. Из Крыма только что вышибли Врангеля, японцы уберутся из Владивостока только 25 октября 1922 года... Как же можно ставить на одну доску возможность помочь голодающим тогда и теперь?

К тому же за голодом 1891–1892 годов последовал длинный ряд новых голодных годов – 1901, 1905, 1906, 1907, 1908, 1911–1912. Всего за последние 75 лет царского режима было 11 голодных годов, за этот же срок советской власти – два. Причем размах голода все время нарастал: 5-10-20-30-50 губерний. Наконец, в 1911–1912 годах, накануне 300-летия дома Романовых, столь широко и торжественно отмечавшегося, голод охватил 60 губерний. Сведения эти взяты из дореволюционной энциклопедии Брокгауза, до сих пор славящейся своей обстоятельностью и объективностью. Характерно и то, что голодные годы порой следовали один за другим кряду, например, четыре года с 1905 по 1908. Это говорит о том, что власть была бессильна предотвратить бедствие, даже зная уже о его угрозе. В советское время совсем иная картина и в этом смысле: благодаря усилиям власти и общества голод ни разу не вышел за пределы одного года. Больше того, в 1924 году неурожай поразил те же районы страны, что и в 1922-м, но благодаря своевременным мерам голода не было.

Возможно, Бахтиным навеян и такой пассаж. Кожин цитирует передовую статью «Красной звезды», которую, по воспоминаниям генерала Л.П.Сандалова, перед нашим контрнаступлением под Москвой в начале декабря 1941 года читали солдаты: «Москва! Это слово *многое говорит сердцу* (выделено В.Кожинным. – В.Б.). Москва – праматерь нашего государства. Вокруг нее собиралась и строилась земля русская, вокруг нее стоял народ всякий раз, когда ему грозили иноземные пришельцы. Древние камни Москвы овеяны славой наших предков...» и т. д. И Кожин рассуждает: «Своего рода парадокс заключался в том, что редактором «Красной звезды», где появилась процитированная статья, был член партии с 1922 года Д.И.Ортенберг, а читал статью бойцам военный комиссар Т.И. Коровин, который, без сомнения, был воспитан в духе идеологии, не имевшей ничего общего с идеями прочитанной им статьи». Как видим, парадокс для Кожина состоял здесь в том, что коммунисты даже с большим стажем, даже комиссары, оказывается, имеют сердце, которое – представьте себе! – гово-

рит им о любви к родине, о славе предков, о национальном духе. По идейной эстафете, перенятой Кожинным у большого ученого, ничего этого не должно бы быть. Я читал такие вещи у Солженицына и Шафаревича, но вот, оказывается, и у Кожина... Это тем более странно, что он же сам наставительно писал: «Давно пора понять, что настоящий водораздел проходит в России не между «коммунистами» и «антикоммунистами», а между патриотами и антипатриотами». Правильно, но здесь сам он воздвиг водораздел между коммунистами, вернее, между коммунизмом и патриотизмом.

Но еще более странно, что все трое только что названных, будучи большими любителями статистики, не удивились еще и таким «парадоксам»: к началу войны в армии и на флоте было 563 тысячи коммунистов, а в конце 1941 года, к тому времени, о котором вспоминал генерал Сандалов, уже 1 млн. 234 тысячи – больше 40 % всего состава партии. Примечательно и то, что среди командиров 80 % были коммунисты и комсомольцы. Наконец, хорошо бы помнить, особенно тем, кто на войне почему-то не был или явился на фронт к шапочному разбору, что в боях за родину погибло больше трех миллионов коммунистов. И уж пусть они посчитают сами, сколько погибло комсомольцев, молодых людей самого солдатского возраста, воспитанных в духе той же, по их эстафете, антипатриотической идеологии...

В дни, когда все были потрясены гибелью принцессы Дианы, зашел ко мне на даче В.С., в прошлом большой литературный начальник. Сейчас уже старик, он промышляет тем, что ходит по домам литературной братии и предлагает пристроить их сочинения в «Литературку», «Неделю» или «Вечерку» («Там везде мои ученики!»), за что берет «комиссионные». Я его не осуждаю. Другие в помойках копаются. Помочь мне ему нечего было и мечтать, ибо в названных изданиях напечатать меня могут только по приговору суда. Но дело не в этом... Как В.С. удивился, увидев прищипленный у меня на стене газетный портрет Дианы: коммунист Бушин имеет сердце?! Он переживает за английскую принцессу?!.. Впрочем, сам тоже, разумеется, был коммунистом, но теперь из партии вышел, а евреем остался. И уверен, что отзывчивые сердца, благородные чувства – это их привилегия. Тоже, видите ли, несет эстафету...

«Известны слова А.И.Солженицына, призывающие отбросить чуждую России идеологию, – продолжает В.Кожин, оставляя неясным, кто именно считает коммунистическую идеологию чуждой России: «Сталин от первых же дней войны не понадеялся на гниловатую порочную подпорку идеологии, а разумно отбросил ее, развернул старое русское знамя, отчасти даже православную хоругвь, – и мы победили!» Это понятно в устах человека, который имеет поместья в США и России, но путает слова «навзничь» и «ничком», реку Эльбу с немецким городом Эльбинг, не знает даже, сколько миллионов населения было у нас в стране перед войной. Но Кожин-то!

А он даже недоволен некоторыми похвалами Солженицына: «Дело обстояло сложнее. Ведь Сталин «развертывал» это «старое русское знамя» весьма осторожно и вовсе не отказывался от «революционного» сознания: достаточно напомнить его доклад 6 ноября 1941 года, в котором был поставлен знак равенства между «старой» Россией и нацистской Германией!» Тут все ошибочно. И Кожин-то знал, что, во-первых, «старое русское знамя» коммунисты во главе со Сталиным, как уже говорилось, развернули задолго до войны и безо всякой осторожности, а весьма решительно, хотя и постепенно. Чем, как не таким «знаменем», кроме уже названного, были многочисленные патриотические книги, фильмы, спектакли тридцатых годов об Александре Невском и Суворове (Константин Симонов и кинорежиссер Сергей Эйзенштейн), о Дмитрии Донском (Сергей Бородин), о Петре Первом (Алексей Толстой и кинорежиссер Владимир Петров) и т. д. Во-вторых, «знак равенства» Сталин действительно поставил неудачно, однако же не «между «старой» Россией и нацистской Германией», а между режимами двух капиталистических стран, как основанных на угнетении трудящихся.

А уж Солженицыну-то вообще давным-давно пора бы прикусить язык, когда говорят о «русской традиции» и «революционном сознании». В свое время кому он только ни жаловался

о своей горькой судьбе, которую сам себе смастачил, кому ни совал в нос свое революционное сознание – и Генеральному прокурору Руденко, и заместителю Председателя Совета Министров Микояну, и министру обороны Жукову, и самому Хрущеву. И всем по-разному! Одинаковым было лишь умолчание о том, что при обыске у него обнаружили портрет Льва Давидовича Троцкого. Александр Исаевич был единственным офицером Красной Армии, шедшим в смертный бой с портретом Троцкого на груди, как Андрей Болконский шел в бой под Аустерлицем с образом Спасителя, который повесила ему перед отъездом в армию княжна Марья, сестра.

В письме к Руденко подпольный троцкист плакался и божился: «Я воспитан в Советской школе (заметьте, «Советская» везде будет писать с большой буквы. – *В.Б.*), в пионерском отряде, Ленинском комсомоле. Советская власть дала мне возможность получить высшее образование (мог бы добавить: бесплатно. – *В.Б.*) и даже Сталинскую стипендию (см. справку) ... В 1941 году я пошел (мог бы уточнить: был мобилизован. – *В.Б.*) на Отечественную войну (мог бы конкретизировать: на фронт попал в мае 1943-го. – *В.Б.*) таким, каким был воспитан в детстве – отдать всю свою жизнь, но защитить Советскую власть, нашу Советскую Россию. Я начал войну рядовым, а окончил ее капитаном (можно подумать, что это он так вырос в огне сражений. На самом деле, будучи призван, почти сразу попал в училище, в феврале 1943 года окончил его и получил звание лейтенанта, а уж потом дослужился до капитана. – *В.Б.*) ... Невозможно представить, чтобы человек с к/р (контрреволюционными) настроениями, с к/р умыслом, а следовательно, враг Советской власти, до дня своего ареста так полно и беспредельно отдавал свою жизнь (мог бы уточнить: «...но до конца не отдал». – *В.Б.*) для того, чтобы отстоять Советскую власть и все ее завоевания (мог бы присовокупить: «...которые я обильно вкушал». – *В.Б.*). Сложность моего дела заключается в том, что я в переписке с Виткевичем и при встречах с ним допускал неправильное толкование по отдельным теоретическим вопросам... Однако во всем этом не было к/р умысла, а действовал я, опьяненный самомнением молодости, увлеченный диалектическим материализмом и, переоценивая свои способности, впал в горькое и тяжелое заблуждение...» и т. д.

Эта жалоба была написана в июне 1947 года. Прелестна тут ссылка на диалектический материализм и на другие теоретические вопросы как на виновников горькой судьбы узника. Как тут не вспомнить арестанта Баклушина из «Мертвого дома» Достоевского. Тот уверял, что угодил в острог из-за пылкой любви. Автор-повествователь усомнился: «Ну, за это на каторгу не пошлют». Тогда Баклушин уточнил: «Правда, я при этом из-за ревности одного немца убил. Но посудите сами, можно ли сажать за немца!» Так он и отбывал срок в уверенности, что страдает как жертва пламенной любви... У Солженицына, разумеется, тоже был свой «убитый немец». И попытка свалить вину на диалектический материализм на сей раз не прошла.

А вот его жалоба самому Хрущеву, написанная 24 февраля 1956 года. Тут он изобразил себя жертвой уже не диалектического материализма, а культа личности: вот, мол, был я с детсадовского возраста твердокаменным, матерым марксистом-ленинцем, а мне приписали к/р сознание и уpekли в кутузку! XX съезд еще не кончил свою работу, а он уже строчит и ссылается на него: «XX съезд КПСС и речи, произнесенные с его трибуны руководителями ЦК, дают мне смелость обратиться к Вам... Я был и остаюсь предан делу Ленина. Объективное рассмотрение моих писем и записей, приобщенных в делу, убеждают в этом. Из них с несомненностью явствует, что, воспитанный с детских лет в духе ленинизма, я безоговорочно поддерживал политику нашей партии и Советского государства (мог бы добавить: «...с детских лет». – *В.Б.*)».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.